Назаров Алексей Андреевич

НА ГРАНИЦЕ СНА

НИТИ И ДОЖДЬ

Алексей Назаров
Нити и дождь

https://litres.ru/75062987
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то он умел уходить, не оборачиваясь. Ни одно место не становилось его домом, ни один человек не мог удержать его надолго.

Но однажды за калиткой чужого сада он обрёл любовь и неожиданное счастье. И добровольно позволил невидимым нитям проникнуть под кожу.

Когда над садом сгустились тучи, ему предстояло узнать, насколько болезненными могут стать связи, которые когда-то дарили тепло.

"Нити и дождь" - история о любви и потере, добровольной уязвимости, счастье, пережившем разлуку, и свободе, которую невозможно обрести, лишая её другого человека.

Содержание

Нити и дождь 4
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Алексей Назаров
Нити и дождь

Нити и дождь

У неё были чёрные губы. Собрался спросить, далеко ли до реки, и запнулся. Она заметила, куда я смотрю, и провела пальцем по рту.

«Хороша была. С утра к колодцу так ходила».

«Тебе идёт».

Она обломила ветку смородины и протянула мне через ограду. Я обобрал ягоды губами. После этого она попросила меня улыбнуться и открыла калитку.

До реки на глаз выходило часа два. Я собирался спуститься к воде и найти место для ночлега, пока видно, куда ставишь ногу. Поставил мешок у калитки, чтобы забрать, когда пойду дальше. Она принесла миску, и мы сели на ступеньках.

По её словам, у реки была белая отмель. В жару там можно было лежать по шею в воде и даже задремать, если выбрать местечко, где нет течения. Она рассказывала, как найти отмель, и временами наклоняла миску ко мне. Потом сказала, что одну удивительно кислую ягоду берегла до вечера и, кажется, уже мне отдала.

«Я её тоже берегу. Где-то за щекой».

Она выбрала себе ягоду помельче и, раскусив, зажмурилась так, что мне стало её жалко. Я положил ладонь ей на спину и почувствовал, как она вся ходит от смеха. Подался ближе, чтобы разглядеть её лицо. Она повернулась и поцеловала меня в угол рта.

Уже на дороге я нащупал языком смородиновое семечко и раскусил. Кислая всё-таки была ягода. Ушёл я легко, даже не оглянулся. Когда стемнело, нашёл возле колодца дом, где пускали на постой, и занял свободную койку у окна. В таких местах мне особенно хорошо спалось. Любой человек мог утром разбудить меня и позвать с собой, и я бы встал и пошёл. Можно было вообще никого не встретить. Меня и это устраивало.

Через день я опять свернул к её саду. Она стояла у куста спиной и спросила, нашёл ли я на реке хоть что-нибудь кислее.

«Плохо искал».

«Вижу».

Она подвинулась, чтобы я мог встать рядом.

В другой вечер я шёл мимо её сада к перевозу, рассчитывал ещё застать последнюю лодку. Она как раз возвращалась от колодца и спросила, что у меня на той стороне.

«Там хорошо ночевать».

«А утром что?»

«Утром решу».

Она поставила ведро у калитки и позвала меня за собой.

За поворотом тянулся скошенный луг. У копны она выдернула из травы широкий лист, зажала между большими пальцами и свистнула так, что я вздрогнул. Когда попробовал сам, трава только зашуршала у меня в руках. Она взяла мои руки и чуть сблизила большие пальцы. На этот раз засвистело, да так громко, что я дёрнулся и задел её лбом.

Она приложила ладонь к моему лбу. Спросила, попаду ли я теперь на лодку. Я ответил, что с таким лбом меня, пожалуй, и на берег не выпустят. Она от смеха уронила голову мне на плечо, а когда подняла, я поцеловал её. Ей пришлось вынуть у меня с губ прилипшую травинку. С ней в пальцах она ещё долго сидела рядом.

К перевозу я пошёл утром и с первой лодкой перебрался через реку. В следующий раз мы увиделись только через несколько дней. Она сама только что вернулась с верхних лугов и с порога принялась рассказывать, как всю дорогу в соседской телеге держала на коленях гуся, потому что на каждом повороте он норовил выскочить. О моей переправе она вспомнила, когда мы уже доели ужин.

* * *

К концу лета я привык оставаться у неё до утра. Река разлилась и уходила медленно. Мы ждали, когда покажется отмель. Как-то вечером я принёс из мешка лист, на котором наметил берега. Она выскребла ногтем светлое место посре-

ди заштрихованной воды.

«Тут будем лежать. Ты с того краю. Там глубже».

Когда вода наконец спала, мы свернули одеяло и поставили к двери котелок. До отъезда оставалось доложить несколько камней у крыльца. Я нёс плоскую тяжёлую плиту и совсем близко от намеченного места увидел её босые ноги. Она вышла с рисунком реки в руке. По лицу у неё я ничего не разобрал. Подумал, может, кто-то пришёл и опять передал, что дорогу у низины размыло.

«Скоро нас будет трое».

Она заплакала. Хлеб остался в печи, вот что пришло мне в голову. И ещё я надеялся, что ослышался и она сейчас повторит совсем другое. Спросил, сняла ли она хлеб.

«Сняла я твой хлеб».

У неё дрожал кончик носа. Я ещё какое-то время стоял с плитой на весу, потом опустил её чуть дальше, чем собирался, и сел. Она села рядом. Рисунок так и остался у неё в руке. Из-под её большого пальца выглядывал угол белой отмели.

«Давай сегодня останемся. Я всё утро собираюсь и никак не могу собраться».

Спросить, чего она так испугалась, у меня смелости не хватило. Спросил, не холодно ли ей на камне. Она протянула ступни под мои. Сухари мы съели на крыльце. Она отломила самый твёрдый угол, подержала у меня под носом, пока я не открыл рот. Тогда мы впервые за утро засмеялись.

Потом ещё несколько недель у нас получалось говорить

только о том, что предстоит на днях. Однажды она спросила, куда мы поставим маленькую кровать. Я сразу показал угол возле окна. Там стоял мой мешок. Она спросила, с каких это пор я туда поглядываю. Да с того самого дня, когда мы остались дома. Вечером я уже прибрался в углу и прикинул, куда можно перевесить крючок.

Однажды ночью она разбудила меня и попросила подержать его, пока сама поспит. Я взял его на руки, как она показала. Затылок едва умещался у меня в ладони. Поначалу я боялся поменять руку даже после того, как у меня затекло плечо. Он морщил нос и дышал через раз. Мне всё казалось, что я должен услышать следующий вдох раньше, чем он собирается его сделать. Потом он улёгся чуть лучше, уткнулся лицом мне в рубаху, и я уже боялся открывать дверь только потому, что от скрипа могли проснуться оба.

До света мы так и просидели. В окно было видно крайнюю плиту, ту самую, которую я положил чуть дальше. В следующие дни мне ещё много раз случалось пройти рядом и удивиться, что она лежит криво. Мы так никогда её и не передвинули.

Прозвище пристало к нему за одно лето. Она говорила «Росток, погоди», когда ему уже хотелось встать, а он только научился подтягиваться за край скамьи. Позднее он освоил мою руку вместо скамьи. На дорожке стиснул мне палец, шагнул раз и другой и разжал ладонь. Я двинулся следом. Он остановился и нахмурился, будто моя нога заслоня-

ла ему что-то важное. Потом оглянулся на нас обоих, проверил, смотрели ли мы.

* * *

У меня была дорожная песенка. Первую ноту удобно тянуть четыре шага, потом взять повыше и, когда успеешь вдохнуть, закончить двумя короткими. Ходить под неё можно было целый день. Росток так и норовил отхлопать конец раньше. Пару раз он честно досчитал до нужного места. Сказал, что у него быстрее, и дальше хлопал как хотел.

Сама скамья стояла боком к дому. Я сперва поставил её так, чтобы видеть дорожку. Она посидела затылком к реке, дождалась, пока я сяду рядом, и спросила, нравится ли мне вид. Мне хватило ума сказать, что нравится. Она сходила за лопатой.

«Ты бы меня в другой раз спросил, пока ямы не выкопал».

«Тогда покажи, где копать».

Она подала мне лопату.

Мы выдернули ножки из земли и двигали скамью, пока не устроились поперёк ямок, лицом друг к другу, как на бревне. Росток сперва хотел своё место, потом сообразил, что посередине дотягивается до обоих. Как-то в конце лета он заснул за завтраком, съехал щекой по моему плечу и зажал в кулаке её рукав. Я с трудом досвистел песенку под её тихое «теперь попробуй встань». Пока он спал, у нас остыли кружки.

За всю ту неделю в саду нашлось бы мало дел, ради которых мне стоило бы его будить.

Вечером она подсунула ладонь мне под щёку. От пальцев пахло смородиновым листом. У основания большого пальца у неё натёрся бугорок от тяпки, и я любил трогать его губами. Она терпела, пока не становилось щекотно, и тогда хватала меня за волосы, чтобы я перестал. Мы ещё долго лежали поверх одеяла. Пока она гладила меня по подбородку, я увидел у себя на груди тонкое волокно. Другой его конец тянулся к её руке.

Я решил, что нитка выбилась из наволочки. Подцепил её ногтем. Она легко отошла от кожи, и там, где лежала, сделалось прохладно. Можно было стряхнуть её с пальца. Я ещё так и подержал её на весу, сам удивился, как быстро успел соскучиться по теплу, потом положил обратно и прижал ладонью.

Она убрала руку из-под моей щеки.

«Тебе тесно?»

«Подвинься ко мне».

Вторую нить я нашёл под ключицей однажды утром, пока Росток спросонья держал меня за палец. Я видел, где она уходила под кожу. Пальцем свободной руки можно было легко достать конец. Я накрыл его ладонью, как в первый раз, и дождался, когда Росток сам меня отпустит. Потом мы оба ещё немного полежали. Я вполне мог встать, но мне нравилось лежать и ждать, пока он откроет глаза.

* * *

На переправе меня стали находить люди, с которыми я давным-давно привык здороваться на ходу. Теперь разговоры с ними требовали времени. Однажды человек, которому я в прежние годы дал слово, выслушал меня и снова спросил, когда. День, который я назвал, уже был занят другим обещанием. Спохватился, когда он оттолкнул лодку. Пришлось переправляться следом, договариваться на том берегу.

Домой я вернулся затемно и сказал ей, что задержался. На другой день сам пошёл к колодцу. Когда нёс ведро, у края воды темнело пятно, словно кто-то бухнул туда горсть золы. Я поставил ведро, присел. Пятно сдвинулось в мою сторону. За спиной у меня, довольно низко, висела клочковатая туча. Над полем и над рекой стояло синее утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.